

Геннадий Иванович, так как-то быть диссидентом?

— Всегда считал, что художник не может находиться в партнерстве с властителями, даже если у власти люди, убеждения которых он разделяет. Он всегда будет замечать явления противоречивые, негативные — это естественный процесс. Я никогда не вступал в "кухонную" оппозицию. Всегда говорил то, что думаю, публично. Скажем, идет худсовет, меня "воспитывают", а я в ответ: "Неужели вы, люди образованные, всеерьез думаете, что нынешний режим имеет какое-то отношение к социализму? Если вы не формально слушали в институте лекции по марксизму, то должны понимать, что это — обычная тоталитарная система".

— Не возникало соблазна принять существующие правила игры, как это делали другие?

— Может, другие хотели больше получить: звания, должности, категории. У нас в кино каждая картина получала категорию — высшую, первую и так далее. Но можно же и за счет второй категории жить, не вступая в партию. Я не вступил, хотя у меня сложная семья. Один дедушка был коннозаводчиком, другой — налоговым чиновником уездного масштаба, а их братья служили в императорской гвардии. Когда началась революция, один стал за красных, другой — за белых. И одному пришлось потом замаливать грехи как бывшему семеновцу, в девятьсот пятом году расстрелявшему в Москве всех подряд. А второй — ничего: как бывший белогвардеец встал на учет, был прощен и всю жизнь протрудился в маленьком районном городке. Впрямую репрессированных в нашем роду не было, не повезло, можно сказать: сейчас это как медаль. Но наиболее пострадавшая личность в нашей семье все-таки я.

— С чего начались мытарства?

— С "Чая над барханами".

До этого были дипломный фильм, который даже получил премию итальянского кинофестиваля, документальная картина, долгая работа вторым режиссером. И тут мне предложили снять фильм по сценарию Юрия Трифонова и драматурга Морозова, впоследствии ставшему основой романа "Утоление жажды". "Чайки над барханами" делались в условиях страшных. Картины снимали в Кара-Кумах в июле и августе. Местные жители падали на песок от теплового удара, кричали, что мы колонизаторы, их эксплуатируем, а мы стояли и работали. Я это вспоминал потом на съемках "Интервенции", когда у нас одно каре на параде составляли негры — офицеры, которые учились в наших военных школах; те тоже через час заорали, что это безобразие, что может быть солнечный удар, а наши выдерживали все без звука. Тогда я понял, почему белые покорили Африку.

Но с "Чайками" все кончилось печально. Когда было снято подфильма, картину закрыли: было заявлено, что я клевету на советскую действительность. Меня попытались посадить, сфабриковали дело, по которому грозили четыре статьи; происходило все еще при Хрущеве. И я обратился в Союз кинематографистов. Кинематографическая общественность признала меня вторым Эйзенштейном и обратилась к генеральному прокурору с письмом, подписанным Пырьевым. Заступничество помогло, но жизнь была исковеркана, конечно. Тогда я пережил страшные мгновения. Я был молодой, неизвестный. Опытные люди говорили: все кончено, ничего у тебя больше не будет. И с удовольствием ловили страх в моих глазах. И я на какое-то время поверил сам, что — все, не состоялся.

— Однако мрачные прогнозы не сбылись: вскоре последовал шумный успех вашего фильма "Республика ШКИД". Выглянуло тогда "счастливый билет"?

— Все было вовсе не так гладко. Я в те годы считался литературным "доработчи-

Начальство его никогда не любило. Геннадий ПОЛОКА

раздражал — поведением, высказываниями и, конечно, фильмами.

Редко какой из них доходил до экрана благополучно, чаще же оказывался на "полке".

В семидесятые режиссера и вовсе на десятилетие отлучили от кино. И с тех пор разговоры о нем в вышестоящих инстанциях неизменно кончались словами:

тели в Ленинграде, тучи сгустились. Спасла случайность. В это время срочно формировалась программа Недели советского кино в Париже, и "Республика ШКИД" буквально воткнули туда. Ну а после успеха за рубежом класть фильм на "полку" было не принято. Однако две наиболее острые новеллы из него все-таки исключили.

— Юрский в качестве начальника коммуны беспризорников в картине возник сразу?

— Нет, мы же сначала хотели снять очень реалистический фильм. И тогда в роли Викника Андрея Попов, который блистательно сыграл пробу. А потом я все больше стал склоняться к экзотическому кино, и понадобился союзник — крепкий, "мышечный", энергичный человек, близкий мне по возрасту. Худсовет подавляющим

кричать, но никогда не опускался до грязли. Пьяным я его видел редко.

Большевик из него в "Интервенции" получился, конечно, неканонический. Его герой все время кем-то прикидывался — то бабником, то хлыщом-офицером, все время был вынужден лгать. И свободу и счастье он обрел только перед смертью, когда уже не должен был никого играть. Такой подход у начальства вызвал ярость, тем более что в нем увидели намек на трагическую судьбу самого Высоцкого.

— И тогда "Интервенцию" положили на "полку", а вас решили временно помирить?

— "Интервенции" мне не простили. Но дали возможность себя реабилитировать. Предложили сделать детектив про разведчиков "Один из нас", надеясь, что получится нечто героическое, наподобие

ничным полковником — встречался раньше. Старался искусственно замедлять свои реакции, чтобы выиграть время, собраться и ответить. Говорил от лица идеально чистого коммуниста, которого оскорбляют люди, к коммунизму не имеющие никакого отношения. И поделаться с этим он ничего не мог. Но знаете, что самое страшное? Когда с этими людьми разговариваешь, видишь в их глазах уверенность: так будет всегда. Они сами не верят, что ситуация может улучшиться. Я убеждаю их, что наступит момент, когда моя картина выйдет, а они даже не спорят: ну если вам так легче жить, пожалуйста!

— Страх вам приходилось одолевать не однажды. Выработали какой-то рецепт борьбы с ним?

— Первые страхи я еще в войну пережил. Я тогда подростком был и ради рабочей кар-

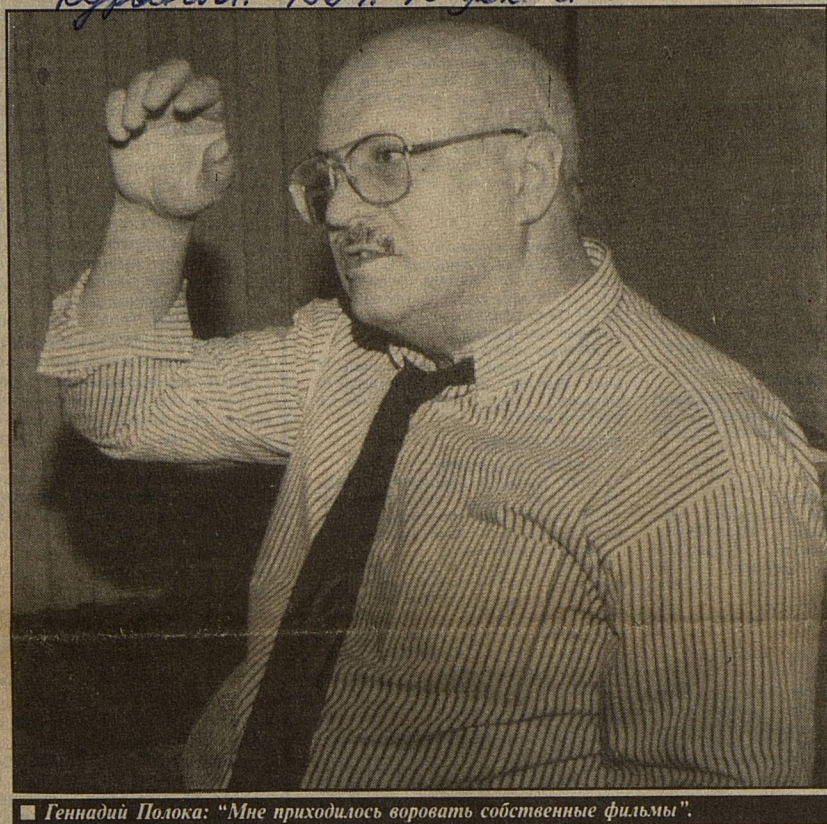
ной бескомпромиссности, сходил с ума. Это первая большая роль замечательного петербургского актера Михаила Уржумцева. Из звезд в фильме заняты Татьяна Васильева, Елена Майорова, Армен Джигарханян, Игорь Дмитриев, Борис Новиков. И есть новая звезда — Людмила Потапова, феноменальная актриса из Саратова.

— Говорят, вам предлагали поработать за рубежом, а вы отказались. Почему?

— А слышали, как Феллини приглашали в Штаты? Ему предложили гонорар в два раза больше, чем у самого состоятельного американского режиссера, а он сбежал. Потому что там — другая среда. Люди рвутся в Голливуд из честолюбия, это трамплин к "Оскару", к большому деньгам. А я чем дольше живу, тем больше понимаю: мое спасение, моя воз-

ЭТОТ ДИССИДЕНТ ПОЛОКА...

Куранты. - 1994. - 10 дек. - с. 7.

■ Геннадий Полока: "Мне приходилось воровать собственные фильмы".

ком": помогал драматургам со стажем, когда что-то "горело" и нужно было быстро переделывать. И меня пригласили поправить сценарий Пантелеева и Белых. Сценарий оказался чудовищный, графоманский, сроку дали две недели. Я позвал своего соавтора — Женья Митюко потребовал, чтобы авторы не мешали, — и мы засели. Я вставал в четыре утра и писал до восьми, потом Женья брал написанное и продолжал строчить до двенадцати, следом снова вступал я. В результате готовый сценарий "гулял" по студии как беллетристика, его читали для удовольствия, поскольку семьдесят пять процентов того, что в нем было, в книге отсутствовало.

Но на худсовет Пантелеев выступил с яростной, полной злобы речью, продемонстрировал лист со ста шестидесятью замечаниями, в которые даже две опечатки включил, и потребовал, чтобы студия с нами отношения расторгла. Положение спас Александр Гаврилович Иванов, личность в Ленинграде очень авторитетная — народный артист, создатель фильма "Солдаты" по повести Виктора Некрасова. Он вел худсовет и сказал, что сами авторы вымучивали сценарий полтора года и только скомпрометировали книгу, так что пусть лучше уйдут в сторону. А еще, вспомнив о моем режиссерском образовании, предложил: пусть он и снимает. Так я стал режиссером "Республики ШКИД".

Но и эта картина могла иметь печальную судьбу. Когда ее посмотрели милицеские генералы и обкомовские дея-

большинством проголосовал за Попова, да и сам я к нему нежно относился, но все же выпросил разрешение снимать Юрского. Поначалу тот тоже был в плену некоего чеховского хода, потом, к счастью, перестроился. Мы ему сделали неожиданный трим — по фотографии его отца, который был изысканным красавцем, этакий испанским грандом и больше походил на Дон-Кихота, чем Сережа.

— А как удалось пробить на роль руководителя большевистского подполья в "Интервенции" Высоцкого?

— Помогли голоса мастеров "Ленфильма" — Козинцева и Иванова. С Володей до этого я был знаком шапочно: работал вторым режиссером у Бориса Барнета на съемках "Аннушки", а Высоцкий вместе со студентами своего курса пришел пробовать на "окружение". Но на "Интервенции" мы сдружились. Он одно время даже жил у моей матери, а потом, когда решением коллегии меня вывели из большого кино и у меня не было дома, Володя поселил меня у себя. Он жил тогда в крохотной двухкомнатной квартире с мамой, которая летом уезжала на дачу, в ее комнате я и оказался.

Мне повезло, я видел только прекрасного Высоцкого. Помню, как он привозил горы тряпья из-за границы и начинал дарить всем, а себе оставлял один какой-нибудь свитерок. Как угадывал желание друзей попросить в долг и, опережая их, говорил: вот сейчас сдам в одно место и там я деньги достану. Даже когда он был обижен, мог ругаться,

юмора на нашем экране. Не случайно "Один из нас" стал любимой картиной киномагнатов. Начальству ничего не оставалось, как отлучить меня от кинематографа.

Но, на мое счастье, Госкино тогда враждовало с Гостелерадио. И в семидесят шестом году глава телевидения Лапин пригласил меня в "Экран" художественным руководителем объединения музыкальных телефильмов. И я оказался в "золотой клетке": переделывал чужие картины, а свои снимать не разрешали. Потом все же позволили сделать сериал "Наше призвание", о школе, — продолжение "Республики ШКИД". А я историю выпускного класса двадцать четвертого года использовал, чтобы рассказать о жизни нашего общества, о яростной, насмерть, борьбе за власть. И кончилось все, конечно, очередным запретом.

— Рассказывают, вы не сдавались. Спасали от уничтожения копии своих картин, чуть ли не воровали их. Это было?

— Было. Красть помогали замечательные сотрудники Госфильмофонда — создавали ситуацию, когда нужно было только взять коробки и вынести. Так было и с копиями "Нашего призвания", и с "Интервенцией", которые без этих уникальных людей просто не сохранились бы, как и вообще все "полочные" картины. По поводу пропажи "Интервенции" я в очередной раз был вызван в органы. С меня взяли расписку, что копию я немедленно сдам, пригрозили процессом. Но я уже знал, как себя вести, тем более что с моим собеседником — умным, иро-

точки валил лес, сопровождал вагоны из Новосибирска в Польшу. В наши теплушки лопались уголовники, грозились все сжечь. И я в сапоге все время носил нож, держал при себе алюминиевую палку с навинченной болванкой, чтоб в случае чего шапку можно было пробить.

Но страх знаком каждому человеку. Меня спасало то, что я в любых ситуациях привык моделировать свое поведение. Скажем, пытался представить, как бы повел себя, если бы услышал приказ: "В атаку!" Думаю, побежал бы с дружинами, потому что нельзя не бежать, когда остальные подставляют себя под пули, но — не в состоянии яростного порыва.

Вообще, когда работаешь, об опасности забываешь. Да и нельзя создавать искусство, если все время будешь думать о расплате.

— В жизни вы всегда сдержанны, корректны, "застегнуты на все пуговицы". А фильмы снимаете эксцентричные. Даете выход нарастающим эмоциям?

— Вы меня на съемочной площадке не видели? Там я — совсем другой человек. А в жизни позиция благородной предупредительности — наша семейная традиция, она стала моей натурой. Я воспитан на традициях русской культуры и считаю себя русским, хотя ни капли русской крови во мне нет. У отца в роду были венгры, и в Закарпатье — бывшей Австро-Венгрии, — где он жил, людей с нашей фамилией достаточно много. Есть во мне и словацкая кровь, и украинская, и немецкая, и польская: это только то, что я знаю. Но благодаря матери с детства полюбил Чехова, вообще русскую литературу, культуру, привык считать их родными. Хотя начинал, как водится, с отрицания традиций. В юности не любил Толстого, а сейчас пришел к выводу, что он — величайший писатель мира. Отвергал советское кино, терпеть не мог Эйзенштейновского "Броненосца "Потемкин". А теперь вот снимаю фильм "Возвращение "Броненосца".

— Слышала, что эта ваша работа посвящена столетию мирового кино.

— Просто, чем ближе этот юбилей, тем яснее, что фильмов к нему нет. Сначала моей картиной заинтересовался директор Каннского фестиваля, потом еще кто-то — и предложили посвятить ее столетию кинематографа. А вообще "Возвращение "Броненосца" — про Одессу двадцать пятого года, где снималось двести картин, в том числе и "Броненосец "Потемкин". Герой — немец, славист, после революции оставшийся в России и направленный в Одессу руководить актерской биржей. С прямолинейностью идеалиста он начинает там всем заправлять, едва не запрещает съемки "Броненосца", а когда видит трагические результаты собствен-

можность оставаться на плаву — это общность с людьми, которые живут здесь.

Конечно, и у меня бывают минуты слабости, когда устаешь, не выдержишь. Но все-таки это минуты. Больше всего мне жалко, что время так быстро проходит. Во мне, как во всяком человеке, есть страх перед смертью, страх, что я все упустил в жизни. Поэтому утром вскакиваю и, не успев зайти в ванную, сажусь за стол. Или вдруг приходит в голову, что надо учить, скажем, китайский язык — это в моем возрасте.

Да и планов столько... Хочу снять картину о народных певцах, о Кибальчиче.

Очень хотелось бы сделать фильм о революции, о ее первых шагах, которые называются бунтом. И фильм о любви. Всю жизнь мечтал снять "Ромео и Джульетту". Но рассказывать о человеческой чистоте гораздо тяжелее, чем о подлости: это требует огромных внутренних затрат.

— Вам самому в жизни повезло с любовью?

— Внешне нет: у меня было четыре официальных брака. Но сейчас я в семейной жизни счастлив. Женится в восемьдесят втором году, когда меня выгнали из штата телевидения, не осталось никакой надежды и я считался человеком конечным. Женится на девочке, которая снималась у меня в "Нашем призвании". Тогда ей было шестнадцать, мы два года подождали, и я сделал предложение. На свадьбу собралось гигантское количество людей, пришли Хуциев, Валя Гафт, критик Виктор Демин. И все это очень тогда поддержало.

— А что поддерживает сейчас?

— Сейчас ведь время, когда человек живет одним днем, когда существование начинают определять волчьи законы. И мое желание в этой жизни, естественно, — иметь возможность работать. Готов подписку дать, что согласен на самую мизерную зарплату, лишь бы реализовать свои замыслы.

Сейчас снова ощущается пресс государственной цензуры, и это тревожит. Скажем, я хочу показать в фильме эпизод как время надежды и естественной веры в правителей. А мне начинают говорить: не надо упоминать субботники, лучше вырезать слова "Да здравствует советская власть!". И не важно, что у меня их в ресторане пьяный герой кричит. То есть та же цензура, но с обратным знаком. И вводит ее те же люди, перестроившиеся только на словах.

Я все-таки считаю, что самое прекрасное в жизни человека — это момент, когда человек вдруг начинает любить всех и ему кажется, что все любит его. И свои картины я делаю ради мгновений вот такого чуда.

Беседу вел Татьяна ИСКАНЦЕВА.
Фото Игоря ЧЕЛМОДЕЕВА.